

ваго, твердаго въ правдѣ и сочувственнаго ко всякой службѣ церковной, — внимательнаго къ заслугамъ всѣхъ степеней служенія, — щедраго въ благотвореніи на всякое дѣло благое и особенно на дѣло просвѣщенія? Мы не говоримъ уже о всѣмъ извѣстныхъ великихъ ученыхъ трудахъ почившаго іерарха, равныхъ которымъ нѣтъ въ нашей богословской наукѣ, и въ которыхъ онъ явилъ себя не только высокоученымъ мужемъ, но и истиннымъ подвижникомъ и безпримѣрнымъ трудолюбомъ на пользу церкви. Обращаться къ подобнымъ образамъ, воодушевляться ими, — особенно полезно и необходимо въ наше смутное и малодушное время, когда твердыя древнія преданія и вѣрованія затемняются въ умахъ и сердцахъ христіанскихъ низменными стремленіями и вѣаніями новаго времени, когда нашему паству задаются и предъявляются жизни новыя и трудныя задачи, для рѣшенія и исполненія которыхъ требуется великое напряженіе всѣхъ его духовныхъ силъ и нравственныхъ и умственныхъ, — требуется не только высокая чистота нравственная, но и глубокое образованіе умственное, широкое и многостороннее знаніе научное. Церковь Московская, на которую вся православная Русь привыкла смотрѣть, какъ на свою главную историческую представительницу и хранительницу вѣры и благочестивыхъ преданій, которая совмѣщаетъ въ себѣ столько образованныхъ пастырей — на служеніи которой и почилъ покойный, безъ сомнѣнія лучше другихъ сознаетъ свой нравственный долгъ предъ почившимъ своимъ архипастыремъ Макаріемъ и свято всегда сохранить благоговѣйную и признательную память о немъ, — не только въ мысли, но и въ словѣ, и въ дѣлѣ...

Есть еще способъ поминовенія и сохраненія памяти дорогихъ и великихъ почившихъ людей; это — устройство имъ памятниковъ и учрежденіе во имя и въ память ихъ какого-нибудь добраго и полезнаго дѣла и преимущественно въ той области, гдѣ покойные сами наиболѣе потрудились. Обычай прекрасный! Прекрасно связать имя почившаго съ добрымъ дѣломъ, совершеннымъ во имя его и въ признательность къ его заслугамъ на общую пользу. Прочтѣе и память о покойномъ въ людяхъ, когда есть видимый и очевидный для всѣхъ знакъ этой памяти. Покойный Владыка Макарій наиболѣе потрудились для духовной науки и просвѣщенія; — онъ содѣйствовалъ успѣхамъ духовной науки не только своими великими учеными произведеніями, но и крупными матеріальными пожертвованіями; эта именно область составляла главный предметъ его трудовъ, его занятій, его симпатій... Поэтому намъ думается, что было бы вполне справедливо духовенству Московской епархіи почтить память своего великаго архипастыря какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, сдѣланнымъ во имя его на пользу духовнаго просвѣщенія, — напр. учрежденіемъ стипендіи въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній и т. п. Мысль эта была уже разъ заявлена въ нашемъ изданіи, но она осталась безъ дѣйствія. При настоящемъ случаѣ благовременно снова о ней напомнить. Не встрѣтитъ ли она на этотъ разъ большаго сочувствія и не перейдетъ ли въ дѣло?

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 26-го ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ И ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ *).

Уразумѣйте истину и истина свободитъ вы (Іоан. 8, 32).

Человѣкъ есть существо свободное. Это свойство, отличая его отъ всѣхъ земныхъ созданій, высоко ставитъ въ ряду другихъ существъ видимаго міра. Человѣкъ, понимая высокое значеніе этого качества, дорожитъ имъ, какъ никакимъ другимъ. Онъ добровольно можетъ измѣнить свое мнѣніе, покоряться въ убѣжденіи, пожертвовать чувствомъ, но никому ни за что не уступить своей свободы. Свобода — это одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ даровъ, данныхъ намъ Создателемъ, за который человѣкъ готовъ жертвовать всѣмъ, только бы не потерять его. Но надѣливъ человека свободой, Богъ далъ ему еще законъ, требующій извѣстныхъ только дѣйствій и воспрещающій другія. Какъ же законъ относится къ свободѣ человека? Положительныя предписанія его не стѣсняють ли и не исключаютъ ли самаго понятія о ней?

Въ жизни и письменности вопросы эти, возникая, часто рѣшаются не въ пользу бытія закона. Освободители человѣчества нашего времени хотѣли бы видѣть современнаго человѣка внѣ всякаго закона, порядка, подчиненности и т. п. Свободный человѣкъ, говорятъ, не долженъ знать никакихъ законовъ, не долженъ подчиняться никакой власти: его собственная воля, собственные побужденія пусть будутъ началомъ и исходомъ всей дѣятельности его; — все другое только стѣсняетъ его свободныя дѣйствія. — Такъ толкуютъ о свободѣ человека, полагая въ основаніе ложное понятіе о ней, какъ личномъ произволѣ или своеволіи. Но истинная нравственная свобода и законъ не исключаютъ другъ друга и бытіе закона не порабощаетъ правъ свободы.

Что такое свободный человѣкъ? Желая рѣшить этотъ вопросъ не теоретическими только соображеніями, мы представили бы дѣйствительный образъ истинно свободного человека. Но гдѣ найти этотъ образъ? Гдѣ взять красокъ для его начертанія? — Трудно, при настоящемъ состояніи человѣчества представить этотъ образъ. — Свобода человека, какъ свѣтлая утренняя заря, показавшись на горизонтѣ народившагося человѣчества, блеснула отраднымъ свѣтомъ и... угасла, оставивъ по себѣ только слѣдъ, чтобы человѣкъ хранилъ грустное воспоминаніе о ней. — Въ словѣ Божіемъ говорится, что *сотвори Богъ человека правдою* (Еккл. 7, 30 срав. Премуд. 9, 3), *созда его во правдѣ и преподобіи истины* (Ефес. 4, 23). Когда образъ Божій сіялъ въ душѣ человека чистымъ, не омраченнымъ свѣтомъ, душа всецѣло тяготѣла къ своему первообразу, — когда удѣломъ человека была святость и праведность, цѣлю жизни нестѣсняемое стремленіе къ чистѣйшему добру и безграничное наслажденіе имъ, — вотъ когда было во истину *свободенъ человекъ*. И что за жизнь была? Какою неизяснимою радостію и полнымъ блаженствомъ дышала она?

По своей святости и невинности человѣкъ былъ близокъ къ Богу, а Богъ ниспосылалъ на него Свое высшее небесное озареніе. Изливаемая на душу его полнота благодати успокоивала въ немъ волненія чувственной жизни, которыя такъ легко воздымаются въ его настоящемъ состояніи. Всѣдствие сего физическая природа находилась въ должномъ подчиненіи

*) Произнесено въ Большомъ Успенскомъ соборѣ священникомъ И. Ф. Мансветовымъ.

законамъ и требованіямъ духа, а самъ духъ былъ въ полнѣйшемъ повиновеніи у Бога;—все окружающее въ видимой природѣ служило выраженіемъ и указаніемъ ему воли Божіей; поэтому вездѣ, начиная съ самыхъ высшихъ порядковъ и до послѣдняго члена естественной жизни, царствовала полная гармонія безъ тѣни вражды, борьбы и противленія. Пока человѣкъ хотѣлъ того, что угодно Богу, онъ наслаждался жизнью и жилъ, не зная лишней и никакихъ препятствій въ развитіи своихъ физическихъ и духовныхъ силъ. Тѣло его обладало полнѣйшимъ здоровьемъ, а въ душѣ царилъ совершенный покой; въ ней не было ни печали, ни суетныхъ заботъ.—Человѣкъ старался угождать Богу, а Богъ съ Своей стороны дѣлалъ, что угодно было человѣку: ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ, ни въ окружающей природѣ не ощущалось никакого движенія, которое бы нарушало этотъ чудный порядокъ свободныхъ отношеній. Итакъ жилъ человѣкъ, чувствуя себя свободнымъ во всемъ: въ желаніяхъ, мысляхъ, чувствованіяхъ, стремленіяхъ и въ способахъ осуществленія ихъ. Это было только начало свободы, которая, при постепенномъ правильномъ развитіи, должна была перейти въ свободу чадъ Божіихъ т. е. въ то совершенное общеніе съ Богомъ, по добіе которому составляетъ жизнь святыхъ.— Вотъ образъ истинно свободного человѣка, для котораго ни законъ, ни его предписанія были не нужны.

Но страшная буря проносится надъ человѣкомъ и разомъ измѣняетъ весь порядокъ и гармонію жизни. Собственная, а также и внѣшняя природа вышли изъ послушанія человѣка. Душа подверглась вліянію страстныхъ раздраженій, злыхъ желаній и наклонностей. Давленіе ихъ на душу человѣка сдѣлалось на столько сильно, что извратило, такъ сказать, естественное чутье къ добру, затемнило самую способность различенія добра отъ зла. Часто человѣкъ сталъ желать того, что льстило его чувственнымъ наклонностямъ, а подъ вліяніемъ послѣднихъ, дѣлать, какъ бы добро, то, что на самомъ дѣлѣ есть зло и влечетъ къ погибели. И изъ существа свободного человѣка дѣлался подчиненнымъ низшимъ влеченіямъ жизни, противостоять которымъ онъ не находилъ въ себѣ достаточныхъ силъ и... становился рабомъ ихъ: *не еже бо хощу—добро, сіе творю, но еже не хощу—зло, сіе содѣваю* (Рим. 7, 19), вотъ что говоритъ ап. Павелъ о порабощеніи нашей воли злему началу.

Когда человѣкъ, лишившись невинности поддался чувственности и грѣху, потерялъ расположенность къ дѣланію добра, утратилъ самую способность яснаго различенія добра отъ зла и вслѣдствіе всего этого запутался въ порокахъ и заблужденіяхъ,—необходимо было, въ видахъ сохраненія въ немъ остатковъ добра, внѣшнее указаніе, гдѣ и какъ онъ можетъ и долженъ искать своего спасенія. Богъ даетъ человѣку предписанія или правила, которыя прямо и рѣшительно объявляютъ ему, что, если онъ хочетъ не только желать, но и дѣлать добро, чтобы быть существомъ нравственно-свободнымъ,—онъ долженъ дѣлать то, а не другое, и удалиться отъ дѣйствій, не соответствующихъ его нравственной природѣ. Совокупность этихъ предписаній составляетъ положительный нравственный законъ; выразителемъ и истолкователемъ его въ обыденной жизни служитъ законъ гражданскій; власть церковная и гражданская является блюстителемъ закона. Законъ имѣетъ своею цѣлію сохраненіе и утвержденіе въ человѣкѣ начала добра, указывая ему путь къ достиженію утраченной свободы: *что убо законъ? преступленийъ ради приложися* (Галат. 3,

19). Не было бы преступленій, не существовать бы и законъ; явился грѣхъ, явился и законъ, ограждающій свободу нашего духа отъ опаснаго вліянія злого. Итакъ, возможно ли законъ и его предписанія называть стѣсненіемъ, порабощеніемъ свободы человѣческой?... Напротивъ, законъ-то только и обезпечиваетъ возможно большее осуществленіе добра и возможно большее достиженіе утраченной свободы. Законъ—это надежный проводникъ человѣка по тернистымъ и скользкимъ путямъ здѣшней жизни.—Представимъ себѣ въ незнакомой пустынной мѣстности двухъ направляющихся къ одной цѣли путешественниковъ. Одинъ изъ нихъ идетъ подъ руководствомъ проводника и, повинаясь его указаніямъ, благополучно достигаетъ желаемой цѣли. Другой отправляется одинъ. Не желая стѣснять себя указаніями другого лица, онъ надѣется одинъ дойти до мѣста, но, потерявъ направленіе пути, запутывается въ пустынь и погибаетъ здѣсь.— Вотъ образъ жизни человѣка подъ руководствомъ закона и безъ онаго. Слушаясь предписаній закона, человѣкъ, хотя съ ограниченіемъ личнаго произвола, идетъ прямо къ цѣли т. е. достиженію нравственной свободы; безъ закона же, подъ управленіемъ своей только испорченной воли, идетъ къ порабощенію себя чувственности, своеволю и... погибели. Судите же послѣ сего: губить ли законъ свободу человѣка?... Нѣтъ, гдѣ законъ, тамъ правда, порядокъ, добродѣтель и свобода; гдѣ нѣтъ его,—тамъ господство личныхъ выгодъ, произвола, самыхъ необузданныхъ страстей и въ концѣ потеря свободы.

Пусть человѣкъ достигнетъ той степени совершенства, когда предъ его взоромъ ясно будетъ предноситься различіе истины отъ заблужденія, добра отъ зла,—когда направленіе воли его окрѣпнетъ на столько, что каждое ея дѣйствіе и движеніе будетъ выраженіемъ идеи добра;—тогда и только тогда онъ можетъ быть свободенъ отъ закона: *праведнику законъ не лежитъ*, говорится въ Св. Писаніи. Кто ищетъ правды, желаетъ ее и поступаетъ только по правдѣ; тотъ самымъ дѣломъ исполняетъ законъ. И какъ было бы счастливо человечество, если бы оно стало на ту нравственную высоту, когда чувствовало бы себя свободнымъ отъ закона. Но такое представленіе скорѣе есть идеаль, осуществленіе котораго мы чаемъ въ будущей жизни. А въ настоящее время, пока въ природѣ нашей живеть грѣхъ и преобладаетъ чувственность,—жить безъ руководства закона—значитъ жертвовать своею свободою Аминь.

ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го ноября, въ 7-ми ч. вечера, въ залѣ епархіальной бібліотеки, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, происходило очередное собраніе членовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Собраніе было многочисленное. Предсѣдатель Общества, о. прот. А. Н. Рождественскій открылъ засѣданіе изложеніемъ программы празднованія столѣтія со дня рожденія приснопамятнаго основателя Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго. День рожденія въ Бозѣ почившаго владыки—26-е декабря. Члены Общества единогласно признали проектированную программу празднованія столѣтняго юбилея митрополита Филарета вполнѣ соответствующею цѣли и просидиоу предсѣдателя представить ее попечителю Общества, Высокопреосвященнѣйшему Іоаннію, митрополиту